

АНТОН ХОХЛОВ

ПРОЗРЕНИЕ

16+

Антон Хохлов

Прозрение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66648936

SelfPub; 2021

Аннотация

Сергей жил совершенно обычной жизнью: работал, отдыхал, любил. Продолжалось это ровно до того момента, когда из Москвы начали приходить новости про неизвестное науке заболевание, которое с аномальной скоростью распространялось по всему миру, Но самой жуткой деталью стало то, что меньше чем через сутки большая часть человечества оказалась заражена.

Антон Хохлов

Прозрение

Я стоял в душном жарком салоне автобуса и, предвкушая отдых перед телевизором и встречу с девушкой, совсем недавно переехавшей ко мне, крепко держался за поручень. На окне, в которое я уставился дабы скоротать не самую приятную поездку, до сих пор держались мелкие капли только что закончившегося дождя. Двигатель то монотонно рычал где-то неподалёку, то с фырканием расходился до яростного рёва, то снова затихал, словно, набираясь сил. Город был окрашен в палитру близящегося заката, и самые обычные мрачные многоэтажки, смоченные ливнем, внезапно обращались в золочёные строения легендарного Эльдорадо.

Внезапно, в окно ударил яркий красный свет: торговый центр «Болгария», сердце района, давно ставшее для меня неким маяком среди однообразия высоток. Гул мотора стал тише, а водитель аккуратно подвёл машину к краю дороги. «Торговый центр «Болгария»» – гнусавый неразборчивый голос донёсся из старых динамиков. С тихим, но весьма противным скрипом двери разъехались, впустив в прогретый салон пучок пробирающего до костей холода, в который сейчас мне и предстояло направиться. Я быстрым движением руки ощупал свои карманы и, убедившись в отсутствии потерь, начал пробираться к выходу. Мороз окутал меня сво-

ей резкой пеленой, столбик термометра, последний месяц и днём не поднимавшийся и до 15 градусов, сейчас неумолимо падал к нулю, к очередным ночным заморозкам. Ситуацию усугубляла влажность да ветер, гонявший у дороги всякий пластиковый сор. Автобус, надёжно закрыв двери в своё тёплое нутро, умчался вдаль, оставив меня на остановке. Застегнув куртку, я небыстрым шагом направился в сторону дома.

Спустя минуту я брёл по узкому неширокому переулку уже скрытому от вечернего солнца двумя титаническими многоэтажками, свернул за угол и попал в некое подобие двора, часть которого, прилегавшая к моему подъезду, представляла собой огромную парковку, за которой была детская площадка, спортивная зона, где, судя по звукам, проходил крайне важный футбольным матч между двумя дворами, и мини сквер. Я подошёл к двери, быстро ввёл код, открыл и вошёл внутрь. Стало немного теплее, но зато теперь в нос ударил так до боли знакомый запах мусоропровода. Негромко, но среди тишины подъезда очень заметно, жужжала лампа, светясь тёплым желтоватым светом, открывавшим взору бежевую с бурой полосой возле пола окраску стен, потрёпанную годами. Хотя, создавалось стойкое ощущение, что именно так стены выглядели всегда. Скрипучий лифт довёз меня на мой шестой этаж, оставив возле обитой кожей двери с золотистыми цифрами «202». Раздался звонок, эхом разлетевшийся по давящей тишине подъезда. Почти сразу, словно в

ответ на оглушительный шум, где-то в глубине двери послышались щелчки, и дверь отворилась. За ней показалась моя подруга Оля, привлекательная девушка двадцати пяти лет в домашней одежде со светлыми волосами.

Сразу вонь подъезда перебил стойкий манящий запах еды. Иногда Оля решала порадовать меня ужином после тяжёлого рабочего дня, но происходило это нечасто. Возможно, это только повышало ценность таких вечеров. Оля была достаточно занятой девушкой, училась на последнем курсе медицинского факультета местного провинциального университета. Она, довольная собой, улыбнулась, крепко обняла меня и быстрой лёгкой походкой удалилась в кухню. Меня же там ожидал ужин: большая тарелка макарон по-флотски, одно из тех блюд, которое я считал и считаю пищей богов. После недолгого, но такого приятного разговора, Оля удалилась в свой учебный кабинет. Я же с огромным удовольствием покончил с ужином и, заглянув к Оле и ещё раз поблагодарив её, отправился в спальню. На календаре жирным шрифтом было выведено число 29 с небольшой припиской Октября и неумолимой чёрной пометкой «вторник». Ещё немного попилив взглядом желтоватый лист, я включил телевизор и принялся за изучение программы. В будние дни программа обычно была такой же заурядной, как и работа: сериалы, новости да какие-то пересмотренные по сто раз фильмы. В итоге телевизор был выключен, а для проведения времени перед сном была выбрана лежащая рядом с кроваткой

тью книга. Очередной день, медленно утекающий в небытие.

Будильник жестоко, словно мечом прорубил сладкую пелену сна, заставив мои злые, пока ещё не видящие ничего вокруг глаза уставиться в потолок. Откуда-то слева раздался протяжный, казавшийся печальным вой, а сквозь мерзкий звон слышалось шуршание Оли. Снова вставать. Я выключил будильник и слипающимися глазами оглядел комнату: самая обычная спальня, светлые обои, два шкафа, между ними тёмный стол, на котором расположились небольшое зеркало на ножке и ноутбук. С потолка свисала небольшая люстра, а на стене над кроватью крепилась пара бра. Через большое окно в спальню ещё светили особенно яркие звёзды, внимательно наблюдая за пробуждением города. Я окончательно встал, кинув мимолётный взгляд на Олю, ещё, казалось, дремавшую, и направился к двери, попутно дёрнув календарь. Теперь вид на комнату открылся следующей страницей, где так же чёрным жирным шрифтом были выведено: 30 Октября. Среда.

Завтрак представлял собой немудреную смесь хлопьев и молока. Я включил новости и принялся за завтрак. Диктор быстрым, но удивительно разборчивым натренированным голосом зачитывал прогноз погоды, экономические изменения, малоинтересные новости со всей России. Продолжалось это ровно до одного момента, а именно, пока он не произнёс:

«А теперь пугающие новости из Москвы...» На этом моменте обычно шёл рассказ про особо мерзкое преступление или случайность, которые меня, честно признаться, совершенно не интересовали. И, видя скучающее лицо ведущего, на которое он изо всех сил пытался натянуть взволнованное выражение, я подумал было, что всё будет как всегда, но нет...

Правда, сначала это сложно было отличить от обыденности, ни взрывов, ни тысяч смертей, ни начала войны не было, но всё-таки этот фрагмент новостей меня чем-то зацепил. Не знаю, почему, но что я точно могу сказать – это был первый звонок... А описано было следующее: «В столице зафиксировано массовое необычное поведение детей и подростков, учащихся одной из центральных школ города. Причину коллективного «сумасшествия» определить не получается. Все пострадавшие отказываются как-либо объяснять причину или даже контактировать с другими людьми».

Я тупо посмотрел на экран, где показывали детей и подростков с абсолютно пустыми, невидящими глазами. От каждой фотографии по телу пролетали сотни мурашек. Оля, казалось, обратилась в статую, слушая жуткий репортаж. На секунду она напомнила мне тех подростков из Москвы, но я, чуть ли не прокляв себя, вытряхнул мысли из головы. Она просто взволновалась, она очень добрая. Это же и побудило её, несмотря на все предстоящие трудности, поступить в медицинский. И теперь она на последнем курсе, тратит себя всю на подготовку к экзаменам и строит планы о своей бу-

душей работе. Я снова перевёл взгляд на экран, но там снова что-то проговаривал ведущий в смокинге, которого скоро сменили двое ведущих ежедневной утренней передачи с натянутыми улыбками, готовые начать с энтузиазмом рассказывать о десяти лучших способах похудеть, пяти способах использования канцелярской скрепки и других похожих вещах. Завтрак доеден, кофе выпит. Снова рука тянулась к утеплённой куртке, а телефон надёжно занял место в кармане по соседству с кошельком. Мы вместе вышли на улицу, но уже там наши с Олей пути разошлись. Я проводил девушку взглядом. Когда она скрылась за поворотом, я позволил себе сжаться от холода и грязно выругаться на внезапно налетевший ледяной ветер. Не уверен, что ругался именно на ветер. Скорее, на очередное, и далеко не самое приятное утро. Но всё же жизнь улучшается: всё больше денег в запасе, всё чаще помимо зарплаты начальник выдаёт премию. К тому же, сегодняшний день обещает быть гораздо менее загруженным.

Снова автобус огнями прорезает вечерний осенний сумрак, а я, крепко державшись за холодный металлический поручень, утомлённо глядел в окно. Красные фонари «Болгарии» словно магическое лекарство освободило меня от окаменения. Я вышел из автобуса и, наконец, вдохнул полной грудью. Тёмная улица встретила меня морозом, ветром и

тишиной, прерываемой лишь ворчанием проезжающих мимо машин и далёким криком скорой помощи. Я медленным шагом направился в сторону дома, когда телефон в кармане внезапно зазвонил. Звонили по работе, а именно, коллега, уточнявший что-то, связанное с документами. Я помог, чем смог, но в итоге, предложив ему спросить у старшего по отделу или уточнить в приёмной босса, распрощался. Немного помешкав, я решил на ходу убрать телефон в карман. Нога упёрлась во что-то жёсткое, телефон выскользнул из руки, отправившись в свободное падение, только что опустевшие руки пронзила тупая боль. Я растянулся в арке между улицей и домом и походил на собрата алкоголиков, частых посетителей нашего двора. Образу способствовала зелёная прозрачная стеклянная бутылка, лежащая рядом, об которую я и споткнулся. Секунда, и непонимание сменилось резким ужасом. я резко вскочил и огляделся. Телефон. Нашёл я его возле одной из стен. Точнее, разбитый остов. Я схватил его и внимательно осмотрел: он был чуть ли не разломан на две части, и было очевидно, что перезагрузка здесь точно не поможет. Грязные ругательства взрывами прогремели по двору, а я, тихо проклиная всё вокруг, забежал в подъезд. В квартиру я зашёл подавленным, на что быстро отреагировала Оля. Я рассказал девушке про телефон, после чего она стала успокаивать меня: «Не переживай, деньги будут, зарплата скоро, накопим...», что вскоре перешло на мечтания о будущем: «Через год и я работать буду, будет

самая настоящая полноценная семья...» с искренней улыбкой проговорила она и добавила: «А там и до детей недалеко». Улыбка начала медленно, но уверенно расти и на моём лице. Люблю я свою девушку, повезло мне с ней. Тем временем мои пельмени, та еда, которую я был способен приготовить сам, были готовы, а телевизионная передача, играющая роль фона, сменилась на новости. Я поцеловался с Олей и она снова отправилась в кабинет, оставив меня наедине с новостным диктором. И он-то точно был способен сломать мой оптимизм. забытая за день тревога снова заиграла тяжестью в груди, ведь на экране снова появились те же лишённые души, жизни, эмоций лица. Но то, что ведущий говорил было ещё ужаснее: этот психоз распространяется по всему миру со скоростью света. «Испания, Италия, Франция, Греция, Финляндия, Швейцария...» – неудержимо долго, казалось, бесконечно продолжался список затронутых стран. Сводки из самой Великой и Необъятной также тревожили до глубины сердца: почти в каждом крупном городе было по несколько тысяч таких больных. Насчёт ситуации в Москве речь заходила о миллионах человек. По словам главы ООН, больше половины стран мира уже содержали как минимум несколько сотен заражённых. Почти все границы закрыты. Аэропорты не работают, но это заразу не останавливает. Так же смущали слова врачей: «Это не вирус, это не бактерия и не грибок. Анализы полностью в норме. Проблема лишь в изменениях в мозге, но мы не можем понять ни причину, ни

итог этих изменений. Но на простые опухоли это не похоже». Толстый лысеющий мужчина в тонких, казалось, не налезавших на его огромную круглую голову очках и белом медицинском халате. Одна фраза чётко врезалась мне в голову: «Это передаётся через зрение. Они видели что-то такое, что заставило их тела и психику меняться... И они не способны это описать...» Моё сердце словно покрылось коркой льда от услышанного. В миг хорошее настроение улетучилось, а в голове эхом звучали слова из телевизора: «они видели что-то такое, что заставило их тела и психику меняться... И они не способны это описать...» Я снова вслушался в речь диктора, но он уже рассказывал совершенно другую тему, за что получил от меня звание бессердечной корыстной твари. Я кинул взгляд на дверь в кабинет. Почему-то мне казалось, что Оля знает хоть что-то про этот неведомый недуг. Но...

Каким образом БОЛЕЗНЬ может передаваться ЗРЕНИЕМ??? В любом случае Оле то это должны были рассказывать в её институте. Должны были. Мои родители всегда были совсем не суеверными, и меня воспитывали так же. Чёрные коты – просто коты. Через порог передавать можно что угодно. Что-то забыл и вернулся домой? Просто возьми это и иди куда шёл. Вырос я скептиком и то, что сейчас происходит в Москве... точнее... во всём мире уже... Оно точно никак не находит места в моём уме, не вписывается в мой мир. Я подошёл к холодильнику и достал пиво. «Нужно успокоиться и сперва разобраться с телефоном» – подумал я, от-

крыв банку и сделав глоток. Я встал, быстрым шагом отправился в свою комнату, открыл шкаф и начал активно рыться там. Десять минут, и в моих руках была маленькая коробочка кнопочного телефона и зарядка для него. Про помощи последней, мне всё-таки удалось включить телефон, и он засиял голубым свечением. Уже хорошо, хотя, понятное дело, связь на нём не оплачена. Сегодня я был на удивление бодрым, поэтому решил не откладывать оплату временного телефона. Олю тревожить не хотелось, пусть учится, мне идти было не долго. Банкоматы стоят в «Болгарии», минут двадцать – и буду дома. Почему-то, даже не смотря на тревожные новости, страха не было. Пока не было.

Я снова вышел на морозную улицу. Дорога была пуста и лишь несколько фонарных столбов прорезали мрак. Над головой нависла серо-чёрная пелена облаков. Промелькнула в голове мысль, о том что ещё конца света в такое время года нам не хватало, но, не обратив на неё внимания, я начал свой путь. Вскоре, я покинул свой мрачный переулок, оказавшись на одной из главных улиц в округе. Тут же стояли автобусная остановка, видевшая множество страданий замерзающих в ожидании донельзя медленного и набитого людьми автобуса жителей и терпевшая не одно издевательство со стороны местных вечно гогочущих по ночам хулиганов. Но мой путь лежал через дорогу прямо к сверкающему в сумерках оази-

су красок среди чёрно-белой угрюмости района – торговому центру, вероятно, одному из любимых мест молодёжи.

В течение дня жизнь тут не прекращалась ни на минуту, и лишь на ночь, когда все магазины, кафе, кино и другие развлечения, ровно как и сам центр, закрывались, нетерпеливо ожидая новый день, гомон вокруг стихал, погружая площадь в тишину, изредка прерываемую проезжающими авто. Разноцветными буквами над входом горела надпись «Болгария», название местной достопримечательности. Электрические двери разъехались, обдавая меня теплом и чуть сладковатым приятным запахом. Банкоматы стояли прямо у входа, рядом с одним из которых стоял одинокий мужчина в чёрной куртке. Обычно здесь собирались огромные толпы людей, поэтому сегодняшняя пустота была абсолютно уникальным явлением.

Я встал напротив второго банкомата и, спустя несколько минут работы, завершил начатое. Из глубин банкомата с механическим урчанием вылез тёплый чек, а телефон из кармана издал характерный звук. Я снова вышел на холод и занялся звонками. Сначала я позвонил маме. Она казалась несколько отстранённой, но всё же явно с радостью приняла мой звонок. Дальше я попытался позвонить на работу, но туда я дозвониться так и не смог. После череды неудачных попыток, я и сам не заметил, как оказался возле арки.

Войдя во двор, я заметил возле подъезда силуэт человека. Было похоже, что он говорил по телефону: рука его была

у головы, сам он немного покачивался, что давало возможность предположить о том, что человек – пьяница. Но одно было странно – абсолютная тишина. Ни единый звук не прерывал шелест опавших листьев на ветру, кроме проносающихся по оставшейся сзади дороге машин. Но я, за беседами позабывшийся обо всём на свете, лишь немного заинтересовался происходящим. Меня больше заботило то, что пьяница может начать ломиться в подъезд или орать на своём пропитанном языке, лишь отдельными словами (в основном – матом) смахивающем на русский, ведь стоял он прямо у двери подъезда.

Я ускорился, чтобы поскорее преодолеть препятствие и, уже протянув руку к домофону, я услышал хрип. Это напоминало нечто среднее между хрипом умирающего и каким-то подобием кашля. Что-то в этом звуке было от звериного рыка, что-то – от дыхания. Я, уже прокручивая в голове новости сегодняшнего дня, быстро набрал код домофона, открыл тяжёлую железную дверь и обернулся. Сердце начало колотиться как бешеное, разнося морозящий ужас по сосудам, живот противно заныл, а ноги словно окаменели, не оставляя шанса спастись.

Это был человек, точнее, то, что им являлось ещё недавно. Из горла исходили хлюпающие звуки, лицо выглядело иссохшим, испещрённым паутиной тёмных сосудов. Существо тяжело и хрипло дышало. Небольшая лампа над подъездом освещала половину его лица, но этого было вполне достаточ-

но, чтобы увидеть венец всей картины: глаз. Он был неподвижным, словно кукольным, испещрённый тысячами чёрных полос разной длины и размеров, образующих жуткую паутину. Из глаза по щекам стекало что-то чёрное, вязкое. И смотрел я на это ровно до одного момента: оно дёрнулось, чем-то мерзко и, казалось, жалостливо скрипнуло и повернуло свою морду, иначе это и не назовёшь, ко мне. Моё дыхание от ужаса остановилось с чем-то вроде кашля, ведь видимая раньше половина была лишь вершиной айсберга. Оставшееся часть его лица была наполовину облезшей и полностью измазана той чёрной жижей, что сочилась из абсолютно чёрного глаза и нескольких крупных ран и язв. Но следующее окончательно повергло меня в шок: существо булькнуло, поводило мерзким ртом и начало говорить. «Хочешь увидеть нечто прекрасное? Да, точно хочешь!» – на удивление человеческим голосом произнесло существо и улыбнулось. Я рывком закрыл дверь, оступился и больно упал на спину. Никаких звуков за железной дверью слышно не было. Зловоние обволокло меня, но на него я уже внимание не обращал. Я поднялся на свой этаж, открыл дверь, быстро снял куртку и обувь и сел на диван. Призрачная надежда на то, что до нашей глухомани ничего не доберётся, оказалась лишь слабым утешением, не имеющим с реальностью ничего общего. В квартире было тихо. Я молча упал на кресло в кухне. В этот момент мой взгляд упёрся в дверь в кабинет Оли. Обычная дверь, но я был в полной уверенности, что то, что я там

увидю, будет кошмаром. Я встал и начал медленно подходить к двери. Негромко постучался. Из-за двери доносилась лишь тишина. Я положил руку на ручку, приготовился, и отворил её. Внутри сидела Оля в наушниках, что-то записывая в тетрадь. Я тронул её за плечо, и, к моему облегчению, она обернулась, показав мне живые тёплые глаза. От крупных чёрных наушников тянулась тонкая нить провода, устремившаяся напрямиком к небольшой коробочке телефона. Я надавил на кнопку включения, не обращая внимания на удивление девушки. Моё сердце похолодело: длиннейший список высланных фотографий... Родственники, однокурсники, гигантское количество неизвестных номеров – все высылали фотографии. Я уверенно взял телефон: «Там... на улице...» – прерывисто выдавил я – «там эта болезнь царит... Там у подъезда стоит такой! Глазища чёрные, чуть это фото мне в глаз не засунул. И, поверь, я уверен, что это то самое зло, уж точно не цветные рекламки». Оля смотрела на меня, казалось, как на умалишённого, но внезапно, словно резко вспомнила о недавних тревожных новостях. Удивлённое и, как показалось, несколько смущённое моим поведением выражение Олиного лица резко сменилось испуганным, близким к панике. От мгновенно накотившей бледности привлекательная жизнерадостная молодая студентка словно постарела лет на десять, а её глаза забегали по комнате, словно выдавая внутренний крик. Но длилось это не дольше нескольких секунд. Она снова ожила, быстро подошла к окну и за-

мерла, чуть трясаясь, словно выбежала на январский мороз. Тут я уже тоже начал снова чувствовать уколы паники, заставившие меня отбросить телефон на стол и подбежать к девушке. Там, в тёмном дворе, бродили они...

Чёрные фигуры передвигались неестественно, словно марионетки. Было бы логично признать всех подобных посетителей двора простыми пьяницами или бомжами, но не бывает их тут столько, максимум, человек пять, да и то летом. С заморозками подобные личности перекочевывали в подъезды, квартиры и другие помещения. Существ (людьми называть их я уже не мог) было несколько десятков: они толпились небольшими кучками по всему двору, словно выжидая... меня... Того, кто так беспардонно заперся от них железной дверью подъезда, так и не увидев их «картины». «Бред это, бред» – сказал я себе под нос, заставив Олю вздрогнуть и обернуться. Толпились они, правда, в противоположной части двора, что, собственно, и спасло меня от участи оказаться среди них. Привлекало их туда что-то? Или мне просто безумно повезло? Мои раздумья прервал далёкий женский крик, переходящий на визг, словно ответивший на мой мысленный вопрос: «А что случилось бы со мной, если бы я не смог спастись?». Когда я обернулся, я лишь краем глаза увидел Олю, открывавшую телефон. Секунды растянулись в часы, когда я твёрдой рукой выхватил телефон, который птицей вылетел из моей руки, сразу разбившись о стену. Не мудрено, что вскоре началась истерика. За минуту

я оказался и психом, и шизофреником, и тварью и многими другими неприглядными типами людей.

Ругала меня она ровно до того момента, пока в стену не раздался стук. Потом в дверь. Потом – адский рёв, чем-то напоминающий смесь крика от боли и плача, разрезал воздух раскалённым мечом. Я посмотрел в окно. Все эти твари, стоящие там... Они все смотрели в нашу сторону... В наше окно... В наши души. Своими чёрными, словно нефть, глазами, которые чётко выделялись на фоне побелевших лиц и были видны даже отсюда, с шестого этажа. Смотрели не отрываясь. А мы смотрели на них, казалось, с такими же бледными лицами.

«Вот и всё». В дверь били с невероятной силой, неустанно, но она героически держалась на петлях. Мы затаились на кухне, где, как казалось, было больше путей отступления. Я схватил нож, а Оля стала судорожно собирать вещи в рюкзак, стоявший в коридоре с самого дня заезда. Я тоже подключился к сборам. В рюкзак полетели консервы, вода, всякие инструменты и многое другое.

Тем временем с потолка начала падать штукатурка, намекая на небезопасность нашего убежища. Нам всегда говорили: «Ваш дом – ваша крепость!». Но, как только в мире произошло нечто такое, после чего людям действительно понадобилась крепость – крепость оказалась картонной. Хотя, кто и когда мог ожидать такого исхода? В дверь продолжали молотить, но, как нам показалось, немного слабее. Возмож-

но, так лишь казалось из-за крепко закрытой двери в кухню. Отовсюду доносились вопли и клокотания. То, что по завершении штурма нужно будет срочно убегать, было очевидно. Они просто так не отстанут. Было видно: это не бездумные зомби. Это самые настоящие разумные и способные к общению твари. Ими всеми словно кто-то управлял... Супероружие? Возможно. Мистика? Я уже ничему не удивлюсь. В этот момент из электрического счетчика раздался характерный щелчок. К счастью, от использования электрического света мы отказались ещё раньше, дабы предотвратить появление лишней заинтересованности в нашей квартире. Хотя, кого я обманываю... Эта заинтересованность лилась через край уже около двух часов к ряду! Но в дверь бились все тише и тише. Видимо, решили сохранять силы. Или ушли за подмогой. Но, примерно к полуночи всё затихло.

Два рюкзака, один из которых, отцовский, был предназначен для походов, стояли собранные в коридоре. Я рискнул выглянуть в окно, боясь нового рейда на жилище, но во дворе было пусто. Уставшие глаза, еще способные что-то разглядеть только из-за невероятного содержания в крови адреналина, постоянно выхватывали в темноте, как казалось, следящие за окном тени, оказывавшиеся по итогу то веткой, то пнём, то машиной. Спать было нельзя. Раз твари так бесследно ретировались, то этим необходимо было воспользоваться. Я был бы не против выпить кофе, но, к сожалению, ни электричества, ни газа для его приготовления не было.

Воды так же не было, как и связи для звонка. Хотя, я пытался уже дозвониться хоть куда-то. Ничего путного я добиться не смог: из двадцати звонков в полицию телефон взяли только раз. И прокричали «ДА НЕ ЗНАЕМ МЫ, ЧТО ЭТО ЗА ЧЕРТОВЩИНА, НЕ ЗНАЕМ!». Решено было уходить...

Дверь с пугающе громким щелчком отворилась. Я вышел первым, фонариком осветив бежевые чуть блестящие стены. Стояла гнетущая, до смерти пугающая тишина. Максимально аккуратно Оля, вышедшая за мной, закрыла дверь, на которой с ужасом мы обнаружили следы ногтей (когтей?) и разводы непонятной чёрной жидкости. Мы медленным шагом пошли вниз. Фонарь хорошо прорезал тьму, в которую мы и направились. Каждый шаг отдавался оглушительным хлопком, заставляя сердце на мгновение замирать. Каждые несколько секунд мы останавливались, прислушиваясь к тишине: эхо шагов постепенно затихало, и наши уши тщетно пытались уловить хоть какой-то еле заметный шорох. Так мы добрались до второго этажа и опять застыли. Эхо, казалось, нарочно медленно затихало, оставляя нас в полной тишине. Сверху слышалась дробь быстрых шагов, заставившая наши сердца бешено колотиться. Мгновение, и всё затихло. Спустился несколько секунд снова несколько шагов. Но гораздо ближе. Снова тишина. Когда новая порция шагов прозвучала примерно в трёх этажах от нас, паника окончательно

взяла над нами верх, и мы, спотыкаясь и сталкиваясь друг с другом, помчались вниз. Ещё сильнее нас подстегнул ужасающий морозящий кровь рёв, схожий с тем, что призвал сотни таких существ к нашему дому. Мы добежали до подъездной двери и остановились в тамбуре между дверьми в подъезд и на улицу. Почти сразу сзади раздался удар. Внутренняя дверь приоткрылась, но недостаточно широко, чтобы можно было увидеть нашего преследователя. Я посмотрел на Олю, испуганно смотрящую на меня. Вдруг, она посмотрела куда-то вправо от меня. Я кинул туда быстрый взгляд и увидел лист, сразу скрывшийся во тьме. Я снова перевёл взгляд на Олю. Она смотрела на меня, и чуть улыбалась. Я недоверчиво прищурился и продолжил прислушиваться к звукам за дверью. Они немного утихли, будто преследователь уже не так уж и хотел превратить нас в таких же существ. Я с вырывающимся из груди от страха сердцем отворил тяжёлую железную дверь, ожидая увидеть за ней орды тварей, но... там было пусто. Во всяком случае, их не было видно, ведь двор был погружён в абсолютный мрак, не внушающий никакого доверия. Я вышел в холодную тьму, прорывая её фонарём. Следом за мной прошла Оля и положила руку мне на плечо. Она сильно нервничала, судя по странным движениям руки, что было неудивительно. «Срочно выключить фонарь» – взрывом прогремела мысль, заставившая меня снова погрузить двор в темноту. Мы, держась за руки, направились в арку.

Вскоре глаза привыкли к темноте, а из-за мрачных осенних облаков наконец-то выглянула Луна, словно помогая нам. Мы держали путь к сельскохозяйственному магазину, что находится примерно в километре от дома, но в тревожной темноте, скрывающей в себе неизвестную нечисть, каждые десять метров давались с трудом. Шли без фонариков и почти не общаясь, соблюдая правила «нового мира». Наш город всегда был достаточно мрачным местом, не внушающим особого спокойствия, но теперь его словно окутала тягучая паутина тревоги, в которой мы с Олей и застряли. Но мы шли дальше. Заглядывая за каждый угол и боясь того, что рисовало в голове наше воображение. Оля шла словно робот, прямо, целенаправленно, тихо. Вероятно, так на неё влияла паника, явно заметная в её поведении ещё недавно.

Зелёная тёмная вывеска свидетельствовала о скором завершении нашего похода. Улица была полна всего, кроме самих существ: авто спокойно стояли в вечных пробках, автобусы, которые так и не доберутся до остановок, чьи-то вещи, лежащие на асфальте, которые вряд ли уже понадобятся своим владельцам.

Дверь в магазин была открыта. Я зашёл внутрь первым и включил фонарь. Круг света упал на многочисленные полки магазина, наполненные инструментами, банками, коробками. Брать нужно только необходимое. Я сразу подошёл к

отделу с крупными инструментами. Лопаты, топоры, ледорубы. Разнообразие инвентаря было весьма неплохим. Я взял в руки тяжёлый топор и повертел его в руках. Я не сильно умел пользоваться топором, мне приходилось брать его в руки лишь несколько раз за жизнь, но когда он оказался у меня на поясе, я почувствовал прилив уверенности. Немного осветив полку снова и подобрав несколько карманных ножей, я решил выбрать оружие и Оле, которая тихо рассаживала где-то между стеллажами.

– Оля? Подойдёшь? – негромко позвал я.

В ответ мне раздалась лишь звенящая тишина.

– Оля?

В темноте слышались звуки её перемещения.

–Эмм.. Да, да, – вдруг необычно тихо раздался её голос.

Он звучал словно кто-то очень умело пытался его симитировать.

– Как думаешь, что тебе тут надо? – уже неуверенно спросил я.

Я осветил фонариком в лицо девушке. У неё были глаза. Они были словно разрисованы каким-то ужасным художником: чёрная паутина расходилась от зрачка, из которой сочилась такая же чёрная жидкость. Я попятился назад, уронив небольшой топор, который хотел передать ей. Он ударился об пол, наполнив помещения адский гулом. Это была уже не моя Оля. Я оглядел магазин, заметив дверь, ведущую, видимо, в складское помещение магазина. Но суще-

ство не хотело меня отпускать. Оно дёрнулось, подняло голову и заорало. Это было ужасно. Этот крик представлял собой жуткую смесь из криков, визгов, плача тысяч человек. Он словно раздавался из самого ада. Но самое худшее, что из мрака, от которого меня отделяло стекло, раздался такой же рёв... Я попятился назад, чудом ничего не уронив, пытаюсь разглядеть в темноте движущиеся силуэты. Девушка начала медленно, словно чувствуя безысходность моего положения, приближаться, как-то странно пытаюсь вывернуть себе руки. В голове у меня стучало.

Я, споткнувшись о какой-то мусор на полу, резко развернулся и со всей мочи рванул к двери. Сзади раздался грохот: существо явно бросилось за мной, напрямую прорываясь через все препятствия. Спасительный выход к моему счастью отворился мгновенно. Я забежал внутрь и закрыл дверь. Но пока я её закрывал, я успел увидеть зал магазина. В двух метрах от меня стояло, жутко склонив голову с бездонными чёрными глазами, то, что ещё недавно было моей девушкой. А сзади... Сзади, за витриной стояли сотни силуэтов, прижатых к стеклу своими мерзкими испачканными чем-то чёрным лицами. Дверь с грохотом захлопнулась, отделив меня от монстров хлипкой, но такой нужной преградой. Я оказался в складском помещении. Почти кромешная темнота скрывала от взгляда ряды стеллажей, наполненных разномастными коробками, а мерзкий сквозняк наполнял склад против-

ным холодом. Я включил фонарь, раскалённым мечом прорезавший мрак. Никаких сюрпризов в помещении не скрывалось, разве что теперь можно было видеть облака пыли, витающие вокруг. Зато за спиной всё чаще раздавались шум и грохот. Я застыл, обратившись в слух. Кто-то копошился прямо за дверью, звеня товарами на полках. В дверь постукали. Через моё тело словно пропустили ток, что заставило меня сжаться и отступить на шаг от двери: на большее мои парализованные ужасом подкашивающиеся ноги способны не были. Только когда я упал, больно ударившись спиной, ко мне вернулась способность двигаться. Я вскочил с пола и побежал, спотыкаясь, к еле видимому в темноте окну. В дверь с каждой секундой бились всё сильнее, и сейчас что-то злое эту самую дверь пыталось выбить. Я оказался у противоположной стены и выключил фонарик. Склад снова погрузился в вязкую тьму. Примерно в двух с половиной метрах от пола, у самого потолка помещения зияло отверстие того самого приоткрытого окна. Прямо под ним располагался грубо отесанный деревянный стол, который я сразу же проверил на прочность, встав на него одной ногой. Стол затрещал, но, видимо, оказался весьма крепким. Почти сразу же после этого в дверь раздался ещё более мощный удар. Я встал на ещё сильнее закрипевший стол и прислонился к окну. Оно не отпиралось, зато стол с каждой секундой трещал всё сильнее. Существа за дверью словно повторяли за столом, пытаюсь выбить стонущую держащуюся из последних сил дверь.

Я дрожащими руками попытался совладать с заклинившим окном, но всё же решился на опасный шаг. Грохот, звон стекла – и стекло легко вылетело из рамы, открывая мне путь для отступления. На улице никого не было: все, видимо, были в магазине. И, судя по очередному душераздирающему крику, они намеревались проникнуть ко мне. Неожиданно для себя ловким движением я нырнул в разбитое окно как раз в тот момент, когда дверь, в последний раз печально скрипнув, всё таки сорвалась с петель под напором тварей, жаждущих, по всей видимости, наконец-то приступить к своей мясной трапезе.

Двор, к моему великому счастью, оказался пустым, но страха это не убавило.

От колоссального прилива адреналина силы в моём не самом спортивном организме словно удвоились, а то и утроились, поэтому вскоре я пересёк почти весь двор, окружённый, словно неприступными и внушающими ужас скалами – панельными многоэтажками с пещерами темных окон. Упершись в грязную стену, я быстро оглядел проём, открывавший вид на основную улицу и парковку, заполненную изредка поскверкивающими в тусклых просачивающихся через толщу мрачных облаков лунных лучах автомобилями, автобусами, мотоциклами и другими следами нормальной жизни человечества.

Я удобнее взял топор, которым удивительным образом ни по чему еще не ударил, вторую руку оставил свободной. Фонарь убрал в карман, закрыв небольшой железной кнопочкой, поправил рюкзак и теплый свитер под ним, который немного задрался, позволяя холоду пробираться по моей спине все выше и выше, что вызывало определенные неудобства. Перекрестившись, чего я обычно почти никогда не делал, несмотря на убеждения верующей бабушки, я нырнул в проход между домами и очень осторожно выглянул из-за стены неприятного светло-бежевого цвета, взявшись за такого же цвета трубу, ещё несколько дней назад ведущую газ в квартиры жителей дома.

Перед магазином их были сотни. Вышедшая из-за тяжёлого облака Луна освещала их бледные изувеченные грязные лица. Они бродили, копошились, явно искали меня. Если бы среди них я узнал свою Олю – срыва было бы не миновать. Но её различить там было невозможно. Они клокотали, подвывали, словно невнятно разговаривали. Только тогда я понял всю безысходность ситуации. Я еле сдерживался от рыданий, но отлично понимал, что только спокойствие может спасти мне жизнь. В нескольких метрах от меня находилась небольшая парковка, где раньше стояли автомобили жителей дома, а теперь они превратились в хлам, который вряд ли будет использован по назначению. Но все же свою последнюю службу они мне сослужили, а именно, когда я в один прыжок забрался за один из автомобилей, который оказался не

заперт. Дорога на удивление была относительно свободной, но всё же по обочинам было несколько превратившихся в груды металлолома машин. Ситуация осложнялась тем, что автомобиль можно было использовать только как временное укрытие, ключей в нем не было и использовать его по назначению не представлялось возможным. Нужно было действовать.

Вдалеке, в противоположной стороне от магазина, бродило ещё несколько существ, но они меня почему-то мало волновали. Окружал моё временное убежище самый обыкновенный квартал, точнее – почти обыкновенный: в чёрных провалах окон, которые словно внимательно и пугающе следили за мною, невозможно было разглядеть ни единого лучика света. Это было скорее похоже на мои детские путешествия в деревню, когда по ночам можно было бы часами созерцать небо полное блестящих точек звёзд, словно капельки молока или песчинки битого стекла, прилипших к тёмно-синей бездне. Но то бабушка, то дедушка вечно отправляли меня в кровать, хотя и это меня не останавливало от созерцания.

Та темнота, несмотря на многочисленные выдуманые моей маленькой глупой головой детские страхи, не казалась мне страшной, наоборот, в сумрачном воздухе витал какой-то уют: в милой деревянной избе, из окон которой изливался на сочную зелёную траву тёплый свет, копошились любимые бабушка с дедушкой, тишину разрезали то назой-

ливые напевы насекомых, то спокойные голоса животных, то тоскливые трели ночных птиц, запах ночного леса вместе с прохладным дуновением летней ночи окутывал меня, наполняя каким-то удивительным, необъяснимым удовольствием, спокойствием. Ночь в деревне всегда отличалась от городской.

Хоть мой город всегда был небольшим, всё равно свет сотен окон сгонял пугливое горение далёких звёзд с небосвода. Тут же всё было иначе: ни бабушки с дедушкой, ни лесной свежести, не тёплого света видно не было, темнота уже не внушала спокойствия, наоборот, пугала до глубины души своей неизвестностью, а детские кошмары влились в реальность в ещё более ужасном облики, чем можно было себе представить. И кошмары эти всё время разочарованно, злобно ворчали, вероятно, из-за сбежавшего ужина. Но с противоположной стороны глаза мои узрели то, что привлекало моё внимание гораздо сильнее, нежели ужасные потусторонние звуки. Среди однообразных силуэтов зданий и мрака ночи явно выделялось невысокое белое здание с голубой, в темноте кажущейся тёмно-синей, а то и чёрной крышей. Конечно, это была заправка. Я никогда не обращал внимание, ведь машины у меня не было, хотя права и даже небольшой опыт вождения имелись. Но больше всего меня привлекла не сама станция, а нечто другое.

Прямо на выезде на улицу виднелись очертания автомобиля с открытой дверцей. То, что нужно убираться из горо-

да, было давно очевидно, да и машина, если была в хорошем состоянии, могла помочь мне, но было небольшое сомнение: есть ли в автомобиле ключи и вдруг звук работающего двигателя привлечёт ещё больше существ? Но от мысли о том, чтобы выйти из своего укрытия сердце начинало стучать в два раза быстрее, кровь леденела, руки покрывались потом. Но я понимал, что если сидеть тут – будет только хуже. Это были словно тиски, ловушка. Но всё же, когда один из тех, дальних силуэтов начал приближаться, я решил действовать.

Короткими перебежками от машины к машине получилось подобраться поближе к заправке. Никаких «людей» там не было, но еще одно меня тревожило: вдруг бензина нет? Мои догадки подтверждали крупные бордовые, словно из запёкшейся крови и мрачно-зелёные канистры с чем-то чёрным, вытекающим оттуда. Многие из них были открыты или повреждены, но мне удалось найти более или менее целую, лежащую совсем рядом со мной. Всё, что было, вероятно, сгребли паникующие люди. То же, частично, можно было сказать и про небольшой магазинчик рядом: даже с моего места было видно, что полки наполовину пусты, хотя сверху и снизу ещё оставалось некоторое количество товаров.

В первую очередь, когда я зашёл на станцию, в нос ударил такой знакомый запах, но здесь он был гораздо слабее, чем обычно, вероятно потому, что самого бензина было минимальное количество. Машина оказалась достаточно старой иномаркой светло-серого, отливающего голубизной цвета,

но было видно, что владелец её берёт до своего последнего дня. Я, уже ни на что особо не надеясь, забрался в неприятно пахнущий салон автомобиля, обитый старой грязной кожей, и тут, наверное, впервые с начала этих жутких событий, сердце наполнилось искренней радостью. Чуть правее руля поблёскивал, словно рыбацкая блесна в речке, ключ зажигания, обвешанный всякими безделушками. А чуть дальше, прямо за рулём, в тени скрывалось другое счастье: информационное табло показывало, что у машины бак полон бензина. Теперь оставалось надеяться, что показатель не врёт, а аккумулятор заряжен. Я, секунду побарабанив пальцами по обитому чёрной кожей, но достаточно жёсткому рулю, издавая этим тихий глухой стук, вылез из салона и, не закрывая дверь, торопливо пошёл в магазин.

Среди мрака и тишины виднелась пара существ, но пока их было немного. Именно пока. Вход в этот магазин не представлял особых проблем, несмотря на двери, работающие только от электричества, ведь в одной из створок зияла огромная неаккуратная дыра, окаймлённая узором сверкающих от любого лучика света облачно белых трещин. Немного наклонившись, я без труда шагнул внутрь, стараясь не наступить на огромные осколки стекла, разбросанные с обеих сторон от двери. В итоге я оказался внутри, лишь немного хрустнув мелкими кусочками. В магазине была абсолютная разруха: среди полупустых серых грязных стеллажей царил тьма и хаос, на полу всюду лежали разноцветные короб-

ки, иногда виднелись лужи воды или ещё какой жидкости. Я словно снова оказался в конце прошлого столетия, когда многие магазины выглядели примерно так же, только среди полок бродили голодные и злые жители новой прекрасной свободной капиталистической страны, а вместо монстров улицы патрулировали бандиты.

Стараясь не задерживаться, я обошёл магазин, взял пару спиртовых салфеток, чудом нашёл несколько бутылок воды и какой-то пищи в батончиках. Один из этих самых батончиков я съел на месте, так как голод потихоньку начинал воротаться где-то в глубинах живота, а также использовал местную уборную по назначению.

Я собирался продолжить исследование магазина и, возможно, остался бы здесь на ночь, но кое-что прервало мои мысли. А именно – жуткий рёв откуда-то снаружи. Рёв этот словно щёлкнул во мне какой-то переключатель, и ещё секунду назад засыпавший организм словно вспомнил, каковы условия вокруг. Причём звук этот был по-настоящему ужасен, это опять был словно человеческий крик, одновременно означавший боль, злобу, и просто какую-то дикость, но только словно изменённый какой-то программой, низкий, утробный, леденящий кровь. Спустя несколько секунд тишины, казавшейся мне несколькими часами, откуда-то с той же стороны послышался второй крик, только немного тише. Только после него я как ошпаренный, уже пренебрегая тишиной и безопасностью, вырвался через то же отверстие в стеклян-

ной двери, знатно ударившись головой, и рванул к машине. Она так же верно ждала меня, зазывая открытой дверью. Уже без малейших сомнений я быстро, но достаточно аккуратно повернул ключ, весело звякнувший брелоками. Салон дёрнулся, и откуда-то из недр железного коня вырвался глубокий, но уже не такой жуткий рёв двигателя. Фары резко выстрелили лучами желтоватого цвета, осветив настолько жуткую картину, что всё моё нутро словно заполнилось льдом, а руки, расположившиеся на руле и коробке передач, покрылись липким потом.

Прямо напротив лобового стекла, да и не только там, везде вокруг бродили те самые существа. Это уже точно нельзя назвать людьми. Эти бледные твари словно зрители в театре или цирке ждали моего выхода, хищно смотрели прямо мне в душу своими чёрными как пятна нефти возле упавших канистр глазами. Лишь разорванные остатки одежды говорили, что когда-то они были людьми, прямо как я. Некоторые из толпы даже ходили на четвереньках, произвольно выворачивая свои конечности так, как нормальный человек никогда не сделает и не сможет. Удивительно, но я, который водил машину в прошлый раз больше десятилетия назад, смог с первого раза тронуться, несмотря на механическую коробку передач. Чего только не делает с людьми адреналин. Трясушимися руками я повернул руль набирающей скорость машины и рванул прямо в толпу демонических существ.

«Как же вы появились, мрази, откуда же вы вылезли, по-

лучайте, гады!» – сдобренная отборным русским матом тирада гневных криков вылетала из моего рта и еле перебивала гам орущих существ. Скоро скопление их закончилось. «На ужин пришли все, гады» – подумал я, который уже и перестал удивляться происходящему, и думал, что уже ничего не сможет удивить меня. Но, разумеется, это было не так, но об этом уже позже. Дороги были почти полностью пусты, за исключением нескольких островов, между которыми приходилось лавировать, теряя скорость и мутантов, которых я не зная пощады давил.

Из всего случившегося за последние несколько часов я сделал для себя два вывода, что это какая-то невероятная неизвестная болезнь, и что первое время больные могут себя контролировать. Хотя что это и как конкретно оно распространяется оставалось для меня зловещей загадкой.

Я немного обогнул место основного скопления существ и направился прямо к окраине города, что было вполне логично. И всё было бы нормально, если бы не один момент. А именно, когда мой автомобиль мчался мимо очередного местного долгостроя, которому теперь точно никогда не суждено обрести задуманный архитектором вид, прямо в лобовое стекло влетел огромный заострённый кусок трубы, задев меня чуть ниже плеча. В тот миг я от страха чуть копыта не откинул, спокойные размышления мгновенно взорвались

паникой, а ужасная боль расходилась от раны по всему телу. Я автоматически схватился за рану, бросив руль и забыв про дорогу, что было крайне неосмотрительно с моей стороны. Машину начало кидать из стороны в сторону, что было похоже на какой-то демонический аттракцион. Через несколько долгих секунд я, преодолевая боль, крепко схватил руль и, с силой давя на тормоз, попытался остановить автомобиль, летевший прямо в стоявший у дороги внедорожник.

После удара меня снова пронзила боль, заглушавшая даже ужас от толпы существ, медленно, словно смеясь над моей беспомощностью и слабостью, обступавшей место аварии. Я уже было начал терять сознания, как сквозь гомон тварей снова услышал рёв двигателя. Яркие лучи пробились сквозь скопление гадов, а спустя секунду расталкивая и давя их, к моей машине подъехало что-то наподобие микроавтобуса. Ничего кроме этого я увидеть не смог из-за бившего в глаза яркого света фар, но остановился он прямо напротив меня. Дверь с хлопком открылась, и из такого же светлого салона выскочило несколько человек, судя по голосам, мужчин. Раздалось несколько оглушительных хлопков. Монстры резко остановились и недовольно заворчали, двое из них, трясаясь, словно танцуя дьявольскую чечётку, упали на мрачный асфальт. Один из мужиков подбежал к моей двери, упершись в кузов иномарки резко открыл дверь и, крепко взяв мою руку, быстрым движением вытащил из машины. Ещё один, обежав автомобиль, нашёл и схватил весь мой нехитрый скарб. Я за-

лез в тёплый душный салон, меня провели куда-то в глубину микроавтобуса и уложили на сидения, после чего мои глаза сразу сомкнулись, а сознание окончательно погрузилось в мир тревожных сновидений.

Я почувствовал, как моё тело возвращалось в реальность, меня обволокло тепло, а тишину, казавшуюся впервые с начала всех этих ужасных событий светлой и уютной, наполняло какое-то еле слышное урчание да чьё-то сопение. Глаза открылись и упёрлись в серый потолок. Неяркий мягкий свет, исходивший, вероятно, из фонариков кого-то из выживших, растворял густую тьму салона и внушал совершенно неестественное для подобной ситуации чувство безопасности. Я привстал на руках, но тут же упал обратно на сидение, сильно ударившись головой о соседний ряд: плечо окатила острая боль, выжавшая из моих глаз скупую мужскую слезу.

– О, проснулся? – женский голос раздался откуда-то сверху.

Я уставился на неё, не отвечая на риторический вопрос.

– Меня Анна зовут, а ты...

– Сергей – проговорил я необычно тихим для себя голосом. – А где эти?

– Прозревшие? Так в городе, – чуть улыбнувшись, поняв меня с полуслова, ответила девушка.

– Вот как вы их зовёте...

Я улыбнулся светловолосой, с завитыми от природы во-

лосами и красивым лицом Anne и повернул голову к окну, где под огненным разрезом зари свою спокойную неподвижную жизнь проживали чёрные скелеты дубов и берёз, колючие паутины кустов, величавые силуэты елей да сосен, которые словно рыцари охраняли спящий лес от неведомых врагов. Автобус стоял на месте. Анна удалилась во тьму автобуса. Ночной ноябрьский ветер холодным одеялом укрывал небольшое передвижное убежище. Откуда-то из глубин авто раздался шум, за которым последовали тяжёлые шаги. Из темноты вынырнул мужчина в форме полицейского и пристально посмотрел на меня.

– Здравствуйте, Сергей, – негромко, но уверенно сказал он.

– Здравствуйте, Вы...

– Андрей Алексеевич.

Новый знакомый схватил фонарик и мгновенно направил его на мои глаза. Я, сражённый внезапной болью в глазах, резко закрылся и выругался.

– Да нормально всё, – голос сделался более дружелюбным, но всё равно оставался серьёзным, – Проверить надо было, прозрели ли Вы.

– Можно на ты, – сказал в ответ я, протирая до сих пор болящие от проверки глаза. Собеседник кивнул, – мы всё равно тут все братья по несчастью.

– Вы, надеюсь, знаете больше нашего?

– Смотря сколько ты сам знаешь, – задумчиво ответил Ан-

дрей, – а мне всё равно нечего скрывать, государства то нет, – полицейский выдохнул, – ни России, ни ООН, ничего.

– То есть, помощи ждать неоткуда, – заключил я и глянул на соглашающееся лицо напротив.

– Да уж, дожили.

Я посмотрел в окно, где над чёрным пуховым ковром ле-са все больше разгорался красный огонь зарницы. Андрей Алексеевич наконец-то выключил направленный в пол фонарик, погрузив салон в холодную тьму. Мои пальцы начали отстукивать неведомые нервные ритмы по стене. В голове снова царил буря, лёжа с закрытыми глазами, я мечтал лишь открыть их в тёплой, кажущейся теперь необычайно уютной квартире, как после каждой ночи, когда меня мучали кошмары, и осознать, что это всё тоже был просто один из них. Что никаких концов света и прозревших нет, что по осенним улицам, всё сильнее засыпаемых мёртвой хрустящей листвой, толпами ходят люди, смеются, торопятся и не подозревают о кошмаре, созданном воспалённым усталостью мозгом. Но радовало одно: мы за городом. А значит... в безопасности??? Надежда умирает последней.